

**ЗНАЮТ ЛЮДЕЙ,
НЕ ЗНАЯ ЧЕЛОВЕКА:
СТРУКТУРА ПОЛЕМИКИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АРГУМЕНТАЦИИ КАНТА¹**

А. С. Зильбер*

Трактаты Канта по проблемам политики, образующие слабо упорядоченный корпус текстов, вполне уместно переложить в виде диалогов – настолько высок накал полемики, запечатленной в них. Особенно драматичен центральный во многих отношениях текст «К вечному миру», полный ярких выражений, которыми восхищались уже первые читатели. Диспутанты представлены как конкретными авторами (например, Гарве, Мендельсон, Фридрих Великий), так и собирательными образами, олицетворяющими целые сословия. Две главные стороны – сам Кант и любимые им философы (такие, как Сен-Пьер и Руссо) – выступают против «правительства» и «заправских юристов». Кантова философия права, стоящая, как считается, на метафизическом фундаменте, создана с минимумом антропологических предпосылок, и в этом его заслуга. Но учение Канта о политике очень тесно связано с моральной антропологией, и в этом его достоинство. Оправдываясь эмпирическими наблюдениями, политик нарушает нормы права. Тем самым он сознательно подчиняется склонностям, которых опасается в народе. Философ, во многом соглашаясь с мрачными оценками человеческой природы, все же стремится переубедить политика и вселить в него умеренный оптимизм. В статье проводится сбор, обобщение и систематизация представлений политиков и юристов о людях, мире и политической деятельности. Согласно Кантовой философии права модель идеального общества можно изобразить как механизм, но его же философия истории и политики решительно противятся этому и склоняют к органицизму. Методологической основой анализа аргументации служит когнитивный подход В. Брюшинкина. Показаны исторические и идейные источники тех ориентиров в принятии решений, которые Кант приписывает своим оппонентам. Обобщаются результаты исследований в данной области, проведенных В. Бушем, Г. Уильямсом, Г. Кавалларом, Б. Людвигом и Р. Брандтом.

Ключевые слова: моральная антропология, политическая антропология, когнитивный подход, модель адресата аргументации, абдеритизм, реальная политика, макиавеллизм, механицизм, органицизм.

¹ Исследование проводится в рамках программы «Иммануил Кант» при поддержке Министерства образования и науки РФ и Германской службы академического обмена (госзадание 3682).

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию: 12.06.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-3-3

© Зильбер А. С., 2016

... Не будем им мешать. И, может быть, до чего-нибудь они договорятся...

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

1. Трактаты как диалоги

Со времен Платона известно, насколько хороша для философского сочинения форма диалога. Кант не писал диалогов, однако был большим полемистом. Живым публицистическим слогом написан трактат «О поговорке». В «Споре факультетов» оппонентами философов выступают не только конкретные авторы, но и собирательные образы народа, чиновника-юриста, врача, священнослужителя (Кант, 1999, с. 74–78; Зильбер, 2016, с. 41). Наивысшей остроты полемичность достигает, пожалуй, в трактате «К вечному миру». Несмотря на подражание строгой структуре международного договора, в тексте часто перемежаются предостережения и уступки, надежда и скепсис. Вопрос эффективности конкретных правовых предписаний отходит на второй план, тем более что многие из них уже были убедительно представлены в проектах предшественников (Новиков, 1996, с. 24–32). Критика политических практик XVIII века с позиций философии морали и права едва ли убедит «государственного мужа». Главной темой оказывается их мировоззренческое обоснование — последний, самый объемный раздел трактата посвящен спору политики с «моралью». С первых страниц сочинения мы узнаем, что главы государств «никогда не могут пресытиться войной» и свысока поглядывают «на школьного мудреца с его лишенными деловитости идеями». «Людям вообще», то есть гражданам государства, война не выгодна, однако «она привита, по-видимому, человеческой природе» как проявление честолюбия (Кант, 1994в, с. 415). Эта мрачная сторона текста сравнительно редко цитируется (Новиков, 1996, с. 42–43; Арендт, 2011, с. 93). Мы постараемся собрать и упорядочить эту картину *сущего* (противостоящего должному), а также показать его источники, которых автор зачастую не называет. Кант не был первооткрывателем «спора политики с моралью»: вспомним хотя бы Гоббса. Но явным образом он выражает Гоббсу в трактате о теории и практике совершенно по другому вопросу. В плане стиля аргументации отметим пример У. Пенна: он начал свое сочинение с некой скромной оговорки, выделил особый раздел для ответа на возможные возражения (равно как и для описания выгод от реализации проекта), содержательно его проект имеет с кантовским много общего. Но стиль рассуждений гораздо спокойнее. Иной пример — «Суждение о вечном мире» Руссо: оно полно мрачного скепсиса, который весьма обстоятельно обосновывается. Кант переходит из одной крайности в другую гораздо резче.

Самоирония «политика-теоретика» вызывает у читателя антипатию к образу его оппонента, но ее риторическая функция не ограничивается сведением к абсурду и доказательством от противного. Отчасти она защищает от гнева цензоров, но в целом едва ли может скрыть те высказывания о политиках как о сословии, которые Кант не позволил бы себе, если бы опасался цензуры всерьез. Внимательная публика эти места не пропустит. «Наша антропология может быть прочитана каждым, даже дамой в туалетной комнате»², — эти слова можно отнести и к трактату о мире. Он ориентиро-

² Разрозненные листы «Petersburg 4» и «Menschenkunde 6» — цит. по: Brandt R. Kritischer Kommentar zu Kants Anthropologie. Hamburg, 1999. S. 39.

ван на широкую публику, имел успех и читался гораздо больше, чем академическая «Метафизика нравов». В. фон Гумбольдт считал сам по себе проект вечного мира неинтересным, но восхищался ярким и остроумным языком трактата, меткостью и оригинальностью выражений (Buhr, Dietzsch, 1984, S. 292).

Методологической опорой нам послужит когнитивный подход к моделированию аргументации в версии, предложенной В.Н. Брюшинкиным и развиваемой Д.В. Хизанишвили. Аргументацией они называют план или проект убеждения одним лицом (субъектом) другого (адресата). Радикальное изменение представлений о мире обычно невозможно, поэтому субъект стремится так модифицировать их, чтобы адресат сам пришел к целевому убеждению (Хизанишвили, 2014, с. 160). Система приемлемых аргументов вырабатывается на основе представления о существующих убеждениях адресата, включая его ценности, интересы, психологические установки (Брюшинкин, 2009, с. 11–15). Это «модель адресата», отражающая связь представлений в его «уме», именно она нас интересует. Подобную стратегию описывает и сам Кант, ведя речь о правовых процедурах:

Каждый договор заключает в себе два *подготовительных* и два *конституирующих* правовых акта произволения, первые... это *предложение* (oblatio) и его *одобрение* (approbatio); два других... *обещание* (promissum) и [его] *принятие* (acceptatio). — В самом деле, предложение не может быть названо обещанием, раньше чем я предварительно решу, что предложенное (oblatum) есть нечто могущее быть *приятным* лицу, которому дается обещание (Кант, 2014, с. 195).

Набором предъявляемых адресату аргументов будем считать само содержание мирного проекта и вообще принципов политики³, отстаиваемых Кантом. Мы ничуть не оспариваем их центральную роль в упомянутых трактатах и не прослеживаем влияние «консервативной антропологии» на сам проект, хотя оно имеет место (Чалый, 2014). Консервативная антропология отчасти интересует нас только как основа упомянутых Кантом принципов «политика-практика»: «если бы теории было больше, то она вполне согласовалась бы с опытом» (Кант, 1994г, с. 245). Опыт реконструкции и анализа деталей мирного проекта накоплен уже очень большой, но критикуемая Кантом позиция обобщалась и обсуждалась много реже и только частично⁴. Помимо этого имеется несколько вариантов подробных комментариев ко всему тексту и его отдельным фрагментам⁵, а также подробный анализ истории роли полемики в истории возникновения Кантовой философии права (Busch, 1979).

Существенным новшеством в применении когнитивного подхода в нашем случае будет интертекстуальность анализа. Работая с политической философией Канта и желая обнаружить мировоззренческий фундамент, мы должны рассмотреть целый корпус сочинений разного жанра, где отсутствует строгий порядок, структура и последовательность. Подобным образом О. Эберл и П. Низен (Eberl, Niesen, 2011) провели обобщающую интерпретацию соответствующих друг другу разделов трактата о мире и

³ Пример специального российского исследования на эту тему: Волков В.А. Идея политики в немецкой классической философии (И. Кант, И. Г. Фихте) : дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2002. Иных примеров, кроме монографии Э. Соловьёва (2005), нам не известно.

⁴ См.: Borries, 1928; Ludwig, 1995 и 1997; Brandt, 1997 и 2003; Cavallar, 1992 и 2005.

⁵ См.: Buhr, Dietzsch, 1984; Cavallar, 1992; Klenner, 1988.

«Метафизики нравов». К нашей теме приведем в пример знаменитые тезисы о «гарантии природы». Они впервые встречаются в трактате о теории и практике, причем с четким объяснением их методологического статуса и риторической роли, которые оказываются гораздо скромнее, чем многие полагают, исходя из трактата о вечном мире:

...Все это только предположение и чистая гипотеза, недостоверная, как и все суждения, которые стремятся для какого-нибудь намеренного действия, не находящегося целиком в нашей власти, найти единственно ему соответствующую естественную причину; но даже как гипотеза оно в существующем уже государстве заключает в себе принцип... только для главы государства, свободно от принуждения. И хотя в обычных условиях не в природе человека по свободному волеизъявлению ослаблять свою власть, тем не менее в угрожающих обстоятельствах это не невозможно. Ожидание условий для этого от провидения — соответствует моральным желаниям и надеждам людей (при сознании своего бессилия) (Кант, 1994г, с. 345, 347).

2. Система убеждений адресата аргументации

Здесь не удастся охватить все высказывания, где описаны убеждения адресата (даже только в одном трактате о вечном мире); внимание будет уделено наиболее подходящим для обнаружения системы взглядов. Выступая сам в трактате о мире от имени философов, Кант помещает в лагерь оппонентов «политика-практика», который именуется также «государственным мужем», и «заправского юриста», который придерживается отчасти специфических, отчасти общих с политиком взглядов. Переходя к самой сути их позиции, Кант говорит также о «политическом моралисте» или «морализующем политике». Убеждения, которые приписываются этим персонажам, удобно распределить по трем уровням (см. рис.):

- 1) прикладные конкретные практические принципы деятельности;
- 2) общие ориентиры политической деятельности, общие взгляды на историю;
- 3) фундаментальные этические и антропологические убеждения, представления о природе человека и «характере человеческого рода». Автор подчеркивает распространенность этих убеждений, очерчивает мировоззренческую функцию (связь с соседними уровнями), описывает пути формирования.

Постановку проблемы «спора политики с моралью», пожалуй, наилучшим образом описывает фрагмент «Религии в пределах только разума», сочинения, где мы впервые⁶ у Канта встречаем словосочетание «вечный мир»:

...Цивилизованные народы находят друг с другом в отношении грубого естественного состояния... и упорно придерживаются намерения никогда не выходить из этого состояния... совершенно противоречащие публичному заявлению и никогда не оставляемые принципы величайших обществ, называемых *государствами*, — принципы, которые ни один философ не мог еще согласовать с моралью и взамен которых он не в состоянии (что очень плохо) предложить лучшие принципы, совместимые с человеческой природой, так что *философский хилизм*, который надеется на утверждение вечного мира... всеми осмеиваются как мечтательность (Кант, 1994ж, с. 34–35).

⁶ По данным Б. Стангнета (Stangneth, 2005, S. 198).

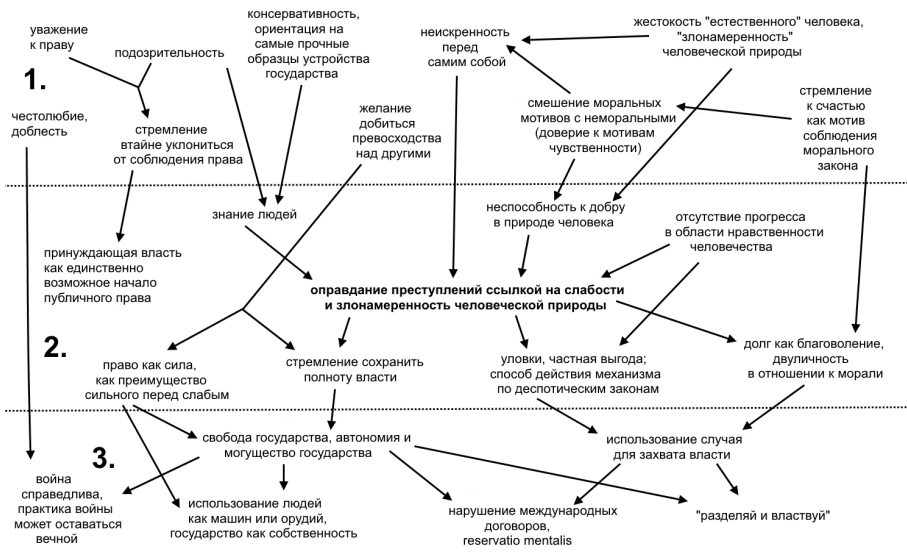

Рис. Схема связи представлений предполагаемого адресата

Каковы же эти принципы внутренней и внешней политики?

1. Кант упоминает три «общеизвестных» «софистических положения», к которым сводятся все максимы «практика», и поясняет их актуальными примерами (Кант, 1994в, с. 443). **Первое** – не упускать случая, благоприятствующего самовластному захвату (права государства либо над своим народом, либо над другим, соседним народом). Поглощение малого государства большим – легко извинительная мелочь для общего блага (там же, с. 475). Целая часть света, превосходящая другую, не замедлит ее ограбить и даже поработить для усиления своего могущества (там же, с. 435). **Второе** – совершив преступление, отрицать свою виновность. К примеру, объяснять мятеж *строптивостью подданных*. Подчинив соседний народ (или только намереваясь это сделать), *сетовать на природу человека*, которая-де такова, что если не предвосхитить насилие другого, то можно быть уверенным, что он опередит тебя и подчинит себе. **Третий** принцип – «разделяй и властвуй» – подходит как для внутренней, так и для внешней политики.

Конечно, к этому списку есть что добавить. Много раз упоминается составление публичных договоров «в таких выражениях, которые при случае можно истолковать в свою пользу» (Кант, 1994в, с. 473). Считается позволительным, выступая как высший государственный чиновник, а не как свободный суверен, нарушать договоры, если их исполнение вдруг стало невыгодным (Там же, с. 469). Также автор критикует готовность жертвовать тысячами людей (Там же, с. 387), *использование их как орудий («вещи», «простые машины»*) (Там же, с. 359, 361)) – например, передачу своих подданных другому государству в качестве наемников. В этом усматривается «блеск главы государства» (Там же, с. 387).

Началом правового состояния и публичного права на практике может быть только принуждающая власть (Кант, 1994в, с. 433). Едва ли следует рассчитывать на моральный образ мыслей законодателя и на то, что он по-

сле происшедшего объединения беспорядочной толпы в народ предоставит ему возможность осуществить правовое устройство через свою общую волю (Кант, 1994в, с. 433). Почему? Во-первых, «в обычных условиях не в природе человека по свободному волеизъявлению ослаблять свою власть» (Кант, 1994г, с. 347). Во-вторых, толпа людей, вступающих в общество, *подчинена механизму природы*, который делает основоположения моральной политики неэффективными, а связанный с ними замысел неосуществимым (Кант, 1994в, с. 453). Всеобщая воля почитаема, но на практике бессильна (Там же, с. 419). Подлинно республиканский способ управления может существовать лишь в воображении морального политика (Там же, с. 451). Принуждение гражданских законов и сила правительства во внутренней жизни каждого государства сдерживают злонамеренность, коренящуюся в человеческой природе (Там же, с. 445).

На этом уровне мы подобрали лишь убеждения самого адресата, чтобы далее проследить путь к их основаниям. Контраргументы автора противоречат им непримиримо, без каких-либо точек пересечения – опоры аргументации⁷ находятся глубже.

2. Главной целью политик считает благосостояние и счастье государства, он стремится обеспечить его безопасность, *самостоятельность и автономию* (Там же, с. 387, 395). Истинное достоинство государства он видит в постоянном *увеличении его могущества (Macht)*, какими бы путями оно ни было приобретено (Там же, с. 357, 359). Даже с точки зрения Кантовой телеологии, история как *феномен* развития скрытых задатков человечества являет себя в виде *механического* хода народов к целям природы:

Каждое государство... стремится стать универсальной монархией... Но это чудовище... когда оно поглотит все соседние государства, в конце концов упадет... на много более мелких государств, которые... снова, в свою очередь, начнут ту же самую игру, чтобы война никогда не прекращалась; а война... не столь неисцелимое зло, как могила всеобщего единодержавия (или же союз народов для того, чтобы деспотия не прекращалась ни в одном государстве) (Кант, 1994ж, с. 35; курсив мой. – А.З.).

Соответствующим образом оценивает историю «политический моралист»:

Регент и народ, разные народы по отношению друг к другу не совершают несправедливости, если они в борьбе между собой пускают в ход насилие и коварство. Так как каждый из них нарушает свой долг по отношению к другому... то обе стороны получают по заслугам, если они истребляют друг друга, причем, однако, так, что их остается достаточно, чтобы продолжать подобное занятие вплоть до самого отдаленного будущего, и все это служит потомству предостерегающим примером (Кант, 1994в, с. 457; курсив мой. – А.З.).

Соответствующие установки применяются во внутренней политике и в политике вообще: *политические максимы должны исходить из благополучия и счастья каждого государства, ожидаемых от их соблюдения, следовательно, из цели*, которую ставит перед собой каждое из этих государств (Кант, 1994в, с. 455). Истинная задача политики – «делать общество довольным своим состоянием» (Там же, с. 477). Править следует по принципу благоволения народу, подобному благоволению отца своим детям («отеческое правле-

⁷ Ценности, интересы, психологические установки (Брюшинкин, 2009, с. 15).

ние»). Подданные, как несовершеннолетние, неспособны различить, что для них на деле полезно, а что вредно, и принуждены оставаться сугубо пассивными (Кант, 1994г, с. 285). Определяющими основаниями закона внешнего права являются цель, присущая людям естественным образом (виды на счастье), и предписания относительно средств достижения этой цели — так Кант описывает позицию Т. Гоббса (Там же, с. 283). Общим названием «счастье» охватываются эмпирические цели (и — надо полагать — соответствующая воля разных людей может быть подведена под общий принцип и под внешний закон, который находился бы в согласии со свободой каждого). Х. Гарве возражает на этические тезисы Канта:

Закон предполагает мотивы, а мотивы предполагают прежде воспринятое различие между худшим состоянием и лучшим. Это... есть основа понятия счастья... Из счастья... возникают мотивы всякого стремления, следовательно, и [стремления] к соблюдению морального закона (цит. по: Кант, 1994г, с. 259).

Принцип отеческого благоволения народу, оправданный благими намерениями и ссылками на естественный порядок вещей, превращается в двуличность по отношению к морали: «то тем, то другим ее учением пользуется для своей цели» (Кант, 1994в, с. 475). Власть имущие склонны из-за недоброжелательства или сострадания отказывать или ограничивать в правах, предпочитают *истолковывать всякий долг лишь как благоволение*.

3. В чем же состоит «злонамеренность человеческой природы», и почему практика, «к сожалению, очень часто противоречит» положению «честность — лучшая политика» (Кант, 1994в, с. 431)? *Человек не может просто отречься от уважения к праву*, поэтому каждому ясно, что он со своей стороны должен поступать в соответствии с этим правом, что бы там ни решили для себя другие (Кант, 1994в, с. 447).

Разумные существа в совокупности нуждаются для поддержания жизни в общих законах, но каждое из них втайне хочет уклоняться от них (Там же, 419).

На словах люди воздают понятию публичного права как таковому все подобающие почести, если даже им приходится выдумывать сотни уверток и отговорок, чтобы уклониться от него на практике (Там же, с. 447).

Каждый уверен относительно себя самого, что он свято хранил бы понятие права и верно следовал бы ему, если бы мог ждать того же от каждого другого. Но так как *каждый, будучи хорошего мнения о себе самом, предполагает у всех других дурные намерения*, то они выносят друг другу такой приговор: все другие люди фактически немногого стоят (Там же).

Продолжая этот ход мысли, политики и юристы заключают, что человеческая природа *не способна к добру*, соответствующему идее, которую предписывает разум, поэтому не стоит принимать меры по улучшению государственных принципов (Кант, 1994б, с. 439). *Свободы нет*, нет основанного на свободе морального закона; все, что происходит или может произойти, есть исключительно механизм природы, а политика — это искусство использовать его для управления людьми (Там же, с. 435). Этой теорией человек подводится под один класс с остальными *живыми машинами* (Там же, с. 455). «Практик... исходя из человеческой природы, берется предвидеть, будто человек никогда не захочет того, что требуется для осуществления цели, приводящей к вечному миру» (Там же, с. 433). В частности, для войны не нужно «особых побудительных мотивов: *она привита, по-видимому, чело-*

веческой природе и считается даже чем-то благородным, к чему человека побуждает честолюбие, а не жажда выгоды» (Кант, 1994в, с. 415; курсив мой. — А. 3.). «Заправские юристы» («занимающиеся ремеслом, а не законодательством») «кичатся тем, что знают людей (этого, конечно, можно ожидать, потому что они имеют дело со многими), не зная, однако, человека и того, что из него можно сделать» (Там же, с. 441). Единодушен с ними в этом вопросе «государственный муж, знающий свет» (Там же, с. 355). Их обычный образ действий — способ действия механизма по деспотически установленным законам принуждения.

С другой стороны, «долго существующее законное устройство постепенно приучает и сам народ судить о своем счастье и своих правах по той обстановке, в которой все до сих пор шло спокойно» (Кант, 1994г, с. 329). Однако соответствует ли это мнение народа действительной картине морального развития человечества, какой ее видит Кант? Свой проект он основывает на оптимизме, будучи уверен в победе «добраго принципа» над злым. Оппонент же отрицает такую возможность: к примеру, Кант возражает просветителю и коммерсанту Моисею Мендельсону, при этом кратко формулируя многие суждения, которые он развернет в проекте вечного мира. Согласно Мендельсону, «человек идет вперед, но человечество как бы постоянно колеблется, двигаясь то вверх, то вниз в установленных пределах; однако, рассматриваемое в целом, оно во все периоды *сохраняет приблизительно одну и ту же ступень нравственности*, одну и ту же меру религиозности и безрелигиозности, добродетели и порока, счастья (?) и несчастья» (Кант, 1994г, с. 335). Частично Кант соглашается: «Люди в своих планах исходят только от частей и дальше их не идут... в своих планах они враждебны друг другу и вряд ли могут по собственному свободному решению сговориться между собой» (Там же, с. 341). Цели людей, рассматриваемых отдельно друг от друга, прямо противоположны осуществлению конечного назначения (достижению цели) всего человеческого рода (Там же, с. 347).

Кант выделяет три вида задатков человечества (Кант, 1994ж, с. 25–27). Среди задатков *животности* — влечение к общительности, которому может быть привит порок дикого беззакония из разряда естественной грубости. Задатки *человечности* — в рубрике сравнительного себялюбия (требуется разум). Это склонность судить о себе как о счастливом или несчастном только по сравнению с другими.

Отсюда влечение *добиваться признания своей ценности во мнении других* и притом первоначально лишь ценности своего равенства с другими: никому не позволять превосходства над собой, что связано с постоянным опасением стремления к тому же самому и со стороны других. Отсюда прямо возникает несправедливое желание добиться превосходства над другими. — Им, а именно ревности и соперничеству, могут быть привиты величайшие пороки тайной и открытой враждебности против всех, на кого мы смотрим как на чужих для нас (Кант, 1994ж, с. 27).

От этих склонностей, очевидно, прямой путь к саркастически упоминаемой Кантом формуле, приписываемой вождю галлов Бренну (IV век): «*Право есть преимущество, которым природа наделила сильного перед слабым, для того чтобы слабый ему повиновался*» (Кант, 1994в, с. 389).

Государственные мужи похваляются практикой, называя ее используемые ими *уловки*, «думая лишь о том, чтобы, раболепствуя перед ныне господствующей властью (с целью не упустить своей частной выгоды), тем самым предать народ, а если возможно, и целый мир» (Кант, 1994в, с. 441).

Юрист, избрав символом права весы и рядом с ними символом справедливости меч, обычно пользуется мечом не только для того, чтобы оградить весы от всех посторонних влияний, но и для того, чтобы положить его на чашу, если она не захочет опуститься (Там же, с. 427).

Спор «политики с моралью» коренится не в теории, а в эгоистической склонности человека «*оправдывать все преступления ссылкой на слабости человеческой природы*» (Кант, 1994в, с. 457). Кант не скупится на эпитеты в адрес этого «мудрствующего» принципа: коварный и предательский, лживый и опасный — ясно, что исходящее от него зло философ считает очень большим. Именно в осознании этого принципа и в борьбе с ним он видит истинную силу добродетели — данная задача даже более трудная, чем противостояние «несчастьям и жертвам», которые неизбежны в процессе установления господства справедливости. Источник упомянутой склонности — «глубоко скрытая *недобросовестность*: человек ухитряется извращать даже *внутренние* свои высказывания перед лицом собственной совести» (Кант, 1994д, с. 157).

Искренность стала, пожалуй, свойством, от которого природа человеческая удалилась чуть ли не дальше всего... А между тем только через искренность могут иметь истинную внутреннюю ценность все остальные свойства, поскольку они покоятся на принципах (Кант, 1994д, с. 156).

Недобросовестностью Кант называет также склонность к смешению неморальных мотивов с моральными (Кант, 1994ж, с. 29). Он отмечает, что многие философы надеялись обнаружить свидетельства безусловного преобладания доброты в человеческой природе в условиях, близких к *естественному состоянию*. Г-н де Люк, исследовавший население горных массивов от Швейцарии до Гарца, «где городская роскошь не могла иметь пагубного влияния на нравы... приходит к такому выводу: человек — существо благожелательное и был бы совсем хорош... если бы не его дурная склонность к мелкому мошенничеству» (Кант, 1994д, с. 157).

Но уже во времена Канта, по свидетельствам путешественников, было ясно, что от природы человек зол в том смысле, что «на основании опыта о нем нельзя судить иначе» (Кант, 1994ж, с. 33):

...Проявления ничем не вызванной жестокости в случаях убийства на островах Тофоа, Новая Зеландия и Навигаторских и никогда не прекращающаяся жестокость в огромных пустынях Северо-Западной Америки (о чем рассказывает капитан Хирн), где никто не имеет от нее никакой пользы... (Кант, 1994ж, с. 33).

Кант отмечает, что человек сознает моральный закон, и даже самый худший человек, каковы бы ни были его максимы, не отрекается от морального закона как мятежник, не полностью отказывается повиноваться ему (Кант, 1994ж, с. 37). Однако в силу своих естественных задатков, будучи привязан также к мотивам чувственности, он принимает в свою максиму

(случайное) отступление от морального закона по субъективному принципу себялюбия, потому что считает каждый из этих мотивов сам по себе достаточным для определения воли (Там же). «Наклонность ко злу, — констатирует Кант, — переплелась с человеческой природой и предполагается даже в самом лучшем (по поступкам) человеке» (Там же, с. 30). Но основание злого находится не в чувственности (с которой мы ничего не можем поделать), а в свободе, в том, что воздействует на высшее основание принятия или соблюдения наших максим по законам *свободы*, — в некоторой максиме, то есть в правиле, какое произволение устанавливает себе для применения своей свободы (Там же, с. 32). Поэтому нравственный оптимизм, хотя и весьма умеренный, для Канта имеет нерушимые основания.

Обобщенная связь наиболее заметных представлений изображена на рисунке (см. с. 32). Всем практическим принципам удалось найти основание в психологических свойствах — связать между собой представления нетрудно, хотя они известны Канту из различных источников, которым посвящена четвертая часть данной статьи. Схема показывает не логические или каузальные, а когнитивные связи между представлениями, связи, реконструированные по тексту, что должно соответствовать ассоциативным связям убеждений в картине мира самого адресата аргументации. Данный конкретный вариант модели столь сложного объекта не единственный из возможных. Важно, что в целом он соответствует общепринятой интерпретации практической философии Канта и конкретизирует ее общие положения.

3. Характер и функция убеждений адресата

В главных тезисах Кант пытался не смешивать право с антропологией, психологией и этикой. Но он не мог этого сделать, рассуждая о реализации предписаний — в области философии политики, теории принятия политических решений. «Политики» и «юристы» рисуют эмпирический портрет гражданина по худшим компонентам природы человека, и этот выбор обусловлен общечеловеческими свойствами психологии. Но выбор сознательный, и значит, сценарий возможно изменить. Признавая и учитывая порочность людей — как серьезно, так и гротескно — и тем самым располагая адресата к своим суждениям, Кант переубеждает его, объясняя, что психология человека гораздо богаче.

Решить величайшую задачу, возложенную на человечество природой, — достижение «всеобщего правового гражданского общества» — невозможно без установления «законосообразных внешних связей между государствами» (Кант, 1994б, с. 95, 101). «Продвижения к лучшему» можно ожидать «на пути движения вещей не снизу вверх, а сверху вниз», и заключаться это «просвещение сверху» должно в постепенном устранении войны (Кант, 1999, с. 220). Иной «мудрости» Кант от политика не требует. Но мудрость миротворческую он, стало быть, желает воспитать на полном серьезе. «Моральный политик» еще только должен быть воспитан, «политик-практик», даже если речь о «просвещенном» монархе⁸, — это, судя по его психологическому портрету, «политический моралист».

Наши политики... преуспевают в деле пророчества. «Нужно брать людей такими, — говорят они, — каковы они есть, а не такими, какими их представ-

⁸ О мотивах просвещенного абсолютизма Фридриха Великого см.: (Cavallar, 1992, S. 90).

ляют себе далекие от жизни педанты и благодушные мечтатели». Но это *каковы они есть* означает: таковы, какими сделали их мы сами, несправедливо притесняя их, *устраивая* предательские, играющие на руку правительству заговоры, а именно — упрямыми и склонными к возмущению; поэтому-то, как только власти немного отпускают бразды правления, и происходят печальные события, подтверждающие пророчества этих якобы умных государственных мужей (Кант, 1999, с. 190).

«Спор философского факультета с юридическим» ведется, как ни странно, не о праве, а по вопросу о том, «находится ли человеческий род в постоянном продвижении к лучшему?», и ответ кроется в «истории нравов». Политик-практик безотрадно отрицает «утешительную надежду» теоретика (Кант, 1994в, S. 433), но теоретик противопоставляет этому другое эмпирическое свидетельство: широкая публика положительно воспринимает Великую французскую революцию. Это те самые «идея» и «наблюдение» «всеобщего голоса», в которых Х. Арндт, согласно Кантову принципу публичного права, увидела потенциал для принятия политических решений (Саликов, 2008, с. 36). Говоря об опасности «опрометчивой реформы» (Кант, 1994в, с. 439), Кант, вероятно, имеет ввиду просвещенный абсолютизм Фридриха Великого, который не дожидаясь 1789 года, и Иосифа II, увидевшего в некоторых революционных законах плагиат своих собственных реформ (Cavallar, 1992, S. 87ff.). Опасаясь распространения антимонархических настроений, австрийский император был напуган событиями во Франции и сожалел о своей прежней внутренней политике.

Фридрих II спросил однажды достойного Зульцера... которому поручил управление учебными заведениями в Силезии, как там идут дела. Зульцер ответил: «С тех пор, как мы стали исходить из принципа Руссо, что человек от природы добр, дело обстоит лучше». «Ah! (сказал король) *mon cher Sulzer, vous ne connaissez pas assez cette maudite race, a laquelle nous appartenons*»⁹... Если же в этой дисциплине народа мораль не предшествует религии, то религия начинает господствовать над моралью... это зло неизбежно искажает характер и побуждает управлять при помощи *обмана* (называемого государственной мудростью); упомянутый великий монарх, *публично* объявляя себя лишь высшим слугой государства, не мог в частном высказывании со вздохом не признаться в противоположном, оправдывая себя тем, что эту испорченность следует приписать дурной *расе*, именуемой человеческим родом (Кант, 1994а, с. 375).

Эта цитата напоминает о принципах публичности, сформулированных Кантом как средство согласования политики с учением о праве. Критика недобросовестности как неискренности перед самим собой проливает свет на то, в каком смысле и зачем Кант надеется «вынудить у лжепредставителей сильных мира сего признание, что они ратуют не за право, а за силу» (Кант, 1994в, с. 449). Надежда эта на первый взгляд странная, поскольку выражается с оговоркой, что «положить конец этой софистике» еще не значит положить конец «скрытой за ней несправедливости».

Моральная антропология... содержала бы только учение о субъективных — как препятствующих, так и благоприятствующих — условиях исполнения зако-

⁹ «Ах, мой друг Зульцер, вы недостаточно хорошо знаете эту проклятую расу, к которой мы принадлежим» (фр.) (пер. мой. — А.З.).

нов метафизики нравов в человеческой природе... без моральной антропологии нельзя обойтись, но она ни в коем случае не должна быть предпослана метафизике нравов или смешана с ней. Ибо иначе рискуют ввести ложные или по меньшей мере снисходительные моральные законы, изображающие недостижимым то, что не достигается лишь поскольку закон не был осознан и представлен во всей своей чистоте (а в ней и состоит его сила) (Кант, 2014, с. 53).

Добрый человек, осознающий моральный закон во всей его чистоте, искренен перед самим собой! И «в человеке еще имеются значительные... моральные задатки того, чтобы справиться когда-нибудь со злым принципом в себе и чтобы ждать того же от других» (Кант, 1994в, с. 389).

4. Источники образа адресата

Образы «государственного мужа» и «заправского юриста» представлены хотя и несколько фрагментарно, но настолько ярко¹⁰, что упоминания конкретных авторов выглядят на их фоне исчезающе незаметными. Явным фоном, на котором создавались политические трактаты Канта, было развитие революции во Франции: высшие факультеты университета, равно как священнослужители и дворянство, теряли свою привычную власть (Brandt, 2003, S. 80). Размышления об Англии в «Споре факультетов» (Кант, 1999, с. 202) появились именно как продолжение полемики: оппоненты, осуждая революцию, видели альтернативу в английской конституционной монархии (Brandt, 2003, S. 136). В трактатах «О поговорке» и «К вечному миру» в качестве оппонентов или пропонентов упомянуты около двух десятков имен (см. табл.). Некоторые из них – современники Канта, с которыми и велась полемика. Есть и герои из близкого или далекого прошлого, они уже не могли прочесть его труды. Говоря об адресате, мы имеем ввиду не самый узкий круг целевой аудитории, а широкую публику, но из ее возможных представлений касаемся только того, что автор упоминает в тексте, актуализирует, будь то идеи или события – именно это стало содержанием модели адресата.

Персоны, упомянутые в трактатах «О поговорке» и «К вечному миру»

Писавшие об общих вопросах права и морали	Правители	Авторы проектов международного права	Прочие авторы
Гоббс	Фридрих Великий	Пуфендорф	Виндишгрец
Ахенваль	Дантон	Гроций	Боутервек
Мендельсон	Некий болгарский князь	Ваттель	
Гарве	Император Веспасиан	Сен-Пьер	
Поуп (А. Поуп)	Император Домициан	Руссо	
Малле дю Пан	Марк Аврелий		
	Император Луций Коммод		
	Вождь галлов Бренн		

¹⁰ Ср. черновик, найденный в Кракове – «Loses Blatt Krakau» (Brandt, 2003, S. 120; Stark, 2002).

Все философы, публицисты и поэты из таблицы так или иначе высказывались по вопросам права, кроме самой молодой персоны: Боутервек (1766–1828) получил юридическое образование и был знаком с Кантом, но основные его работы не касаются права, приписанные ему слова сегодня нигде обнаружить не удастся (Ludwig, 1997, S. 219 — со ссылкой на Н. Klemme).

Из проектов предшественников Кант упоминает только разработанные Сен-Пьером и Руссо. Наряду с Платоном, он называет их «фантастами разума»¹¹, грезившими моральными чувствованиями, которые «сами по себе добрые» и без которых совершенно не было бы в мире ничего великого. На Сен-Пьера он ссылается уже в ранних набросках, например в конспекте из Майера, составленном в 1752–1756 годах. Тема антропологических предпосылок мира в XVIII веке обсуждалась многократно. Вольтер в сочинении «О вечном мире» (1769) критиковал институциональные аргументы пацифистов и выражал надежду на моральный прогресс, просвещение и влияние общественного мнения (Cavallar, 1992, S. 33). Сен-Пьера он назвал далеким от жизни, наивным мечтателем. Лейбниц и Руссо критиковали Сен-Пьера за чрезмерную идеализацию характера политиков, их моральных качеств, принципов, хотя Сен-Пьер, адресовав политикам свой проект, сориентировал его на их властные интересы (Новиков, 1996, с. 37; Cavallar, 1992, S. 26) и изложил по «геометрическому» методу, для недогадливого читателя. Кант написал трактат по-иному, ближе к стилю Э. Роттердамского (1517) и У. Пенна (1693), хотя неизвестно, читал ли он их призывы к миру (Cavallar, 1992, S. 31–32).

С другой стороны, учитывать характер граждан требовали не только политики, но и философы: Дж. Вико, Д. Юм, А. Смит. Кант строит философию истории и теорию государства таким образом, чтобы она оставалась жизнеспособной даже при «зломном человеке» в роли гражданина и в отсутствие «морального политика» (Brandt, 1997, S. 235). Тем самым он отвечает на критику Реберга и отвергает «народ богов», как назвал подлинную демократию Руссо (Eberl, Niesen, 2011, S. 364f.). Возможно, что метафора народа, состоящего из дьяволов, навеяна также сочинением И. Б. Эрхарда «Апология дьявола», увидевшим свет весной 1795 года (Brandt, 1997, S. 229). Эрхард был сторонником Кантовой философии. Несколькими годами ранее были опубликованы первые фрагменты «Фауста» Гёте.

Теоретики международного естественного права Гроций, Пуфендорф и Ваттель упоминаются Кантом как «плохие утешители» (Кант, 1994в, с. 389) — в том смысле, что они не ставили под сомнение принципиальную правомерность войны и желали лишь урегулировать ее, сделать справедливее, упрочить ее правовые рамки. Существующее состояние межгосударственных отношений Кант оценивает как естественное (в этом смысле он следует за Гоббсом)¹² и не допускает никаких приукрашиваний этой оценки («плохие утешители», как и большинство других теоретиков естественного права, занимались именно этим, рассматривая войну как правомерную процедуру). Упомянув всех трех авторов вместе, Кант поступил не-

¹¹ Например, в «Опыте о болезнях головы» (AA, II, S. 267), в набросках по антропологии (AA, XV, 210, 406).

¹² Кант полагал, что Гоббс считал войну всех против всех реальностью, но в его тексте Гоббса говорится об угрозе такой войны, подобно тому, как плохая погода угрожает ненастьем, — и одного этого достаточно для стремления уйти от такого естественного состояния.

сколько недобросовестно, игнорируя различия между ними¹³ (Cavallar, 2005, S. 280ff.). Судя по всему, он был знаком лишь с сочинениями Ваттеля, и именно их касается его критика (к примеру, Ваттель — сторонник политики баланса сил между государствами).

Трактат «О поговорке» появился в разгар дискуссии на страницах «Берлинского ежемесячника» по проблемам естественного права, начавшейся после публикации в 1791 году «Всеобщего свода прусских законов», проникнутого духом политического патернализма. Поводами обратиться к теме *теории и практики* могли стать ядовитые высказывания А. Кестнера в адрес мечтательно теоретизирующих писателей, а также опубликованная в «Берлинском ежемесячнике» статья юриста, госслужащего, историка и публициста Ю. Мёзера «Так поступают разумные, руководимые опытом, а не чистой теорией нации» (Сологубов, 2006, с. 16–17). В 1790 году Ф. Генц перевел на немецкий «Размышления о революции во Франции» Э. Бёрка, которые можно расценивать как пример критики просвещенческого рационализма со стороны нарождавшегося историзма (там же). Бёрк противопоставил абстрактным принципам исторический опыт, традицию и практическое благоразумие (критикуемое Кантом «Klugheit»). Но ни Бёрка, ни Кестнера, ни Мёзера Кант не упоминает.

На трактат о теории и практике в «Берлинском ежемесячнике» быстро откликнулись Ф. Генц (военный советник в Берлине) и А. В. Реберг (тайный советник британской службы в Ганновере) (Gentz, 1967; Rehberg, 1967). Реберг был хорошо знаком с философией Канта; Генц, выпускник Альбертины, в начале 1790-х пытался развить идеи конституционализма и естественного права на принципах кантовской трансцендентально-практической философии. Реберга и Генца Кант также не упоминает в сочинении о вечном мире. И неудивительно: выражая уважение к автору, они мягко и обстоятельно возражали ему, подчеркивали большую роль чувственных влечений и неморальных мотивов в природе человека, почти не касались внешней политики и не отстаивали могущество государства и величие правителя. Генц даже заявил, что практика должна преклонить колени перед теорией (вспомним соответствующие слова Канта о политике!).

Кто же и что же стало источником самых провокационных тезисов и карикатурных характеристик, кроме вышеупомянутого галльского вождя? В первую очередь отметим Х. Гарве, сторонника английского утилитаризма, героя первого раздела трактата о теории и практике. Философ по образованию (но не ученик Канта!), он более всего известен философской популяризацией, заметками и рецензиями. В 1792 году напечатаны его «Опыты о различных предметах из области морали», ранее в 1788 году — сочинение «О связи морали с политикой», упомянутое в трактате Канта о вечном мире как пример теории, которая отрицает возможность согласовать политику с моралью. Оно было написано в ответ на «Основоположения метафизики нравов», где Кант отреагировал на рецензию Гарве на «Критику чистого разума». Как видим, полемика была долгой и продолжилась даже когда Кант уже отошел от активной деятельности (Garve, 1967). Кант в обо-

¹³ Подробнее см.: (Busch, 1979, S. 163f) (к примеру, полный список упомянутых Кантом оппонентов и проponentов в вопросе о возможности «справедливой войны»).

их политических трактатах (Кант, 1994б, 1994в) называет Гарве достойным человеком и почтенным ученым¹⁴. Гарве отстаивал счастье как единственно возможный моральный ориентир и, по выражению Г. Каваллара, капитулировал перед интересом государства (Cavallar, 1992, S. 352ff.).

Автором термина «государственный интерес», который очень прижился в практике Вестфальской системы международного права, считается Н. Макиавелли. Он долгое время был на дипломатической службе и при княжеских дворах, то есть вполне принадлежит к «юристам». Кто как не он отстаивал ценности независимости, мощи и величия государства? Где как не в его произведениях искать рецепты пренебрежения моралью, захвата и удержания власти, а также мрачные оценки человеческой нравственности?¹⁵ Первые абзацы XVIII главы «Государя» очень схожи с описанием максимы о нарушении международных договоров у Канта (Кант, 1994в, с. 469). Макиавелли — в числе первых авторов, в чьих сочинениях описан принцип *разделяй и властвуй*¹⁶. Явную критику в адрес Макиавелли у Канта мы встречаем только в лекциях по моральной философии¹⁷. Но принципы морального политика и принципы государя прямо противоположны друг другу, как показывают Уильямс (Williams, 1983, p. 46–49), Каваллар (Cavallar, 1992, S. 345ff.) и Лессер (Lesser, 2014).

В XVII–XVIII веках, в эпоху имперского абсолютизма, принципы «Государя», оторвавшись от исторического контекста, получили самостоятельное развитие в традиции макиавеллизма. Фридрих Великий в начале правления на словах критиковал Макиавелли даже картинно, называя его изувером, но с такими оговорками, которые, если говорить языком Канта, свидетельствуют скорее о «двуличности по отношению к морали», чем о желании избежать поспешности в воплощении принципов права (Cavallar, 1992, S. 348f.). Макиавелли не был изувером, лучшим государственным устройством он считал республику, а жесткие принципы формулировал прежде всего для конкретных исторических условий — с целью отстоять независимость итальянских княжеств. Неизвестно, был ли Кант знаком с сочинениями Фридриха, опубликованными после его смерти в 1788–1789 годах. Послужил ли Фридрих прямым прообразом мрачного портрета «государ-

¹⁴ «Что касается приведенного выше признания господина Гарве, будто он не находит в своем сердце упомянутого... различия (желаний счастья и стремления к выполнению долга. — А. 3.), то я не стесняюсь возразить ему на такое самообвинение и взять под свою защиту его сердце против его ума. Как честный человек, он в действительности-то всегда находил это деление в своем сердце (в определениях своей воли), но отвергал его ради спекуляции... В его голове не укладывалось, как можно согласовать это деление с привычными принципами психологических объяснений» (Кант, 1994г, с. 269).

¹⁵ Г. Каваллар мимоходом замечает, будто Макиавелли в «Государе» высказывался о неприменимости идей мудрецов в политике (Cavallar, 1992, S. 35). Мы осмелимся осторожно усомниться в достоверности этого наблюдения и отметим лишь, что «Государь» написан в стиле рассуждения, а не полемики и без драматизации. Автор находит немало поучительного у писателей прошлого, которые фиксировали предания и обобщали исторический опыт, — но только в подтверждение своих мыслей, иное его не интересует.

¹⁶ «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (III, XXVII) — согласно данным: Vogt J. Das Reich, Festschrift für J. Haller zum 75. Geburtstag. Stuttgart, 1940. S. 21ff. См. также: The Yale Book of Quotations. 2006. P. 610 (URL: books.google.ru/books?id=ck6bXqt5shkC).

¹⁷ См.: (AA, XXVII, 2, 2, S. 1392, 17–9) — согласно (Cavallar, 1992, S. 356).

ственного мужа»? Своей внешней политикой он предоставил более чем достаточно оснований для этого. Явный оппонент «Приложений» трактата о вечном мире — Гарве; но Гарве как раз и защищал политику Фридриха (Cavallar, 1992, S. 349).

5. О характере «модели мира»

Хотя Кант и называет в шутку проект вечного мира *хилиазмом*¹⁸, сам он представляет в «предугадывающей истории» отнюдь не эту позицию: ведь она приравнена к «эвдемонизму», согласно которому человечество «постоянно прогрессирует к лучшему в его моральном определении» (Кант, 1999, с. 192). Эти «сангвинические упования» Лессинга на непрерывность Кант отвергает, также как и «моральный терроризм» (будто род человеческий «неуклонно движется назад ко злу») и «абдеритизм» М. Мендельсона (постоянство в виде колебаний или вращения вокруг одной точки). Своей позиции он не дает названия, а состоит она в том, что прогресс совершается, хотя и не без остановок или провалов и без прочных гарантий, но с высокой вероятностью продолжения (Кант, 1999, с. 194, 196).

Фридрих Великий в эссе 1777 года¹⁹ сравнил хорошо организованное правление с часовым механизмом, в котором все подчинено одной цели (Cavallar, 1992, S. 89). И эта цель не счастье граждан и не обеспечение их неотчуждаемых прав, а «процветание государства как целого», то есть самоутверждение, увеличение власти и территории. Все подданные и король подчинены этой цели как средства. Механистический и натуралистический образ мира был распространен не только в материалистической философии — соответствующими образами богата и литература XVIII века (Albus, 2001). Кант неоднократно заявляет, что хорошее устройство государства уравнивает столкновение противоположных друг другу эгоистических склонностей, подобно атомарному порядку вещества. Он предупреждает от радикального слома общественного строя. Свидетельств того, что его «модель мира» (Брюшинкин, 2009, с. 16) также механистическая, можно собрать немало (Сологубов, 2004; 2005; 2006). Но не реже (если не чаще) *механизмом* и *вещью* Кант называет человека как животное: эта «живая машина» во власти инстинктов и тиранов, она эгоистична и несчастлива. Учитывая все процитированные выше высказывания, мы уже не можем считать это положение человека единственно возможным. Не только Кантова философия права испытала на себе риторическое влияние механики, имело место и обратное, а именно влияние философии права на теорию познания: в «Критике чистого разума» Кант неоднократно говорит о том, что для разрешения метафизических споров требуется судья (Cavallar, 1992, S. 62ff.). — Вправе ли мы, учитывая Кантов телеологический метод, представить его модель общества как организм? Хотелось бы не выдумывать эту альтернативу самим — у Канта она есть. И это вовсе не образ смиренного домашнего скота вообще (Кант, 1994е, с. 128) либо кротких овец в частности (Кант, 1994б, с. 93). Прогрессирующее общество сравнивается с лесом, в котором конкуренция деревьев за солнечный свет побуждает их расти все выше (Кант, 1994б, с. 97; Pinzani, 2011).

¹⁸ Мистическое учение о тысячелетнем земном царствии Христа перед «концом мира».

¹⁹ Эссе «О формах правления и обязанностях правителя» написано на французском, в немецком переводе называется «Regierungsformen und Herrscherpflichten».

Список литературы

1. *Арендт Х.* Лекции по политической философии Канта. Лекция восьмая // Кантовский сборник. 2011. №2 (36). С. 90–94.
2. *Брюшинкин В. Н.* Когнитивный подход к аргументации // Рацио.ru. 2009. №2. С. 2–22.
3. *Зильбер А. С.* Насколько трансцендентальны Кантовы принципы публичного права? // Кантовский сборник. 2016. №1 (55). С. 34–51.
4. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Соч. : в 8 т. М., 1994а. Т. 7.
5. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. на нем. и рус. яз. М., 1994б. Т. 1.
6. *Кант И.* К вечному миру // Там же. 1994в. Т. 1.
7. *Кант И.* Метафизика нравов. Часть первая // Соч. на нем. и рус. яз. М., 2014. Т. 5, ч. 1.
8. *Кант И.* О поговорке: может быть, это верно в теории, но не годится для практики // Соч. на нем. и рус. яз. М., 1994г. Т. 1.
9. *Кант И.* О неудачах всех философских попыток теодицеи // Соч. : в 8 т. М., 1994д. Т. 8.
10. *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Соч. на нем. и рус. яз. М., 1994е. Т. 1.
11. *Кант И.* Религия в пределах только разума // Соч. : в 8 т. М., 1994ж. Т. 6.
12. *Кант И.* Спор факультетов. Калининград, 1999.
13. *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990.
14. *Новиков Г. Н.* Теории международных отношений. Иркутск, 1996.
15. *Пенн У.* Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств // Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. М., 1963.
16. *Руссо Ж.-Ж.* Суждение о вечном мире // Там же.
17. *Саликов А. Н.* Рецепция кантовского понятия *Sensus communis* в теории способности суждения Ханны Арендт // Кантовский сборник. 2008. №1 (27). С. 31–40.
18. *Сологубов А. М.* Модели мира и метафоры в аргументации // Вестник РГУ им. И. Канта. 2005. №3. С. 27–34.
19. *Сологубов А. М.* Модель мира и последние основания аргументации // Модели мира / под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград, 2004. С. 109–118.
20. *Сологубов А. М.* Системная модель аргументации в практической философии И. Канта : дис. ... канд. филос. наук. Калининград, 2006.
21. *Хизанишвили Д. В.* Особенности когнитивного подхода к аргументации: аспекты моделирования // Известия УрФУ. 2014. Сер. 3, №4 (134). С. 155–163.
22. *Чалый В. А.* Кант между либерализмом и консерватизмом // Кантовский сборник. 2014. №4 (50). С. 54–60.
23. *Albus V.* Weltbild und Metapher. Untersuchungen zur Philosophie im 18. Jahrhundert. Würzburg, 2001.
24. *Borries K.* Kant als Politiker. Leipzig, 1928.
25. *Brandt R.* Antwort auf Bernd Ludwig: Will die Natur unwiderstehlich die Republik? // Kant-Studien. 1997. Jg. 88. S. 229–237.
26. *Brandt R.* Universität zwischen Selbst- und Fremdbestimmung. Kants «Streit der Fakultäten». Berlin, 2003.
27. *Buhr M., Dietzsch S.* (Hrsg.) Immanuel Kant. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf. Texte zur Rezeption 1796–1800. Leipzig, 1984.
28. *Busch W.* Die Entstehung der kritischen Rechtsphilosophie Kants: 1762–1780. Berlin, 1979.
29. *Cavallar G.* Lauter «Leidige Tröster»? Kants Urteil über die Völkerrechtslehren von Grotius, Pufendorf und Vattel // Allgemeine Zeitschrift für Philosophie. 2005. Jg. 30. S. 271–291.

30. *Cavallar G.* Pax Kantiana. Wien, 1992.
31. *Eberl O., Niesen P.* (Hrsg.) Immanuel Kant. „Zum ewigen Frieden“ und Auszüge aus der Rechtslehre / kommentar von Oliver Eberl und Peter Niesen. Berlin, 2011.
32. *Garve C.* Drei Texte über Theorie und Praxis // Kant – Gentz – Rehberg. Über Theorie und Praxis / Hrsg. D. Henrich. Frankfurt am M., 1967.
33. *Gentz F.* Nachtrag zu dem Raisonement von Herrn Professor Kant... // Kant – Gentz – Rehberg. Über Theorie und Praxis / Hrsg. D. Henrich. Frankfurt am M., 1967.
34. *Klenner H.* (Hrsg.) Kant I. Rechtslehre: Schriften zur Rechtsphilosophie. Berlin, 1988.
35. *Lesser A.H.* Kant or Machiavelli? // *Kritikos*. 2014. Vol. 11. URL: intertheory.org/kant-machiavelli-ahlesser.htm (дата обращения: 26.01.2016).
36. *Ludwig B.* Moralische Politiker und Teuflische Bürger... // *Proceedings of the Eight International Kant Congress*. Milwaukee, 1995. Vol. 1, part 1. P. 71 – 88.
37. *Ludwig B.* Will die Natur unwiderstehlich die Republik? Einige Reflexionen anlässlich einer rätselhaften Textpassage in Kants Friedensschrift // *Kant-Studien*. 1997. Jg. 88. S. 218 – 228.
38. *Pinzani A.* Botanische Anthropologie und physikalische Staatslehre. Zum Fünften und Sechsten Satz der *Idee* // Immanuel Kant. Schriften zur Geschichtsphilosophie / O. Höffe. (Hrsg.) Berlin, 2011.
39. *Rehberg A. W.* Über das Verhältnis der Theorie zur Praxis // Kant – Gentz – Rehberg. Über Theorie und Praxis / Hrsg. D. Henrich. Frankfurt am M., 1967.
40. *Stangneth B.* Die Religion als Übergang zur Weltpolitik // Kants «Ethisches Gemeinwesen» / Hrsg. M. Städtler. Berlin, 2005.
41. *Williams H.* Kant's Political Philosophy. Oxford, 1983.

Об авторе

Андрей Сергеевич Зильбер – аналитик Института Канта, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, a-zilb@ya.ru

KNOWING HUMANITY WITHOUT KNOWING THE HUMAN BEING: THE STRUCTURE OF POLEMIC IN KANT'S POLITICAL ARGUMENTATION

A. Zilber

Kant's treatises on political problems form a loosely structured text corpus. However, due to its passionate polemic, it can be rewritten in the form of dialogues. The most dramatic instalment is the authoritative treatise Toward Perpetual Peace, which is full of memorable phrases that used to excite the very first readers. Kant's opponents are both concrete authors – either living or dead contemporaries (Garve, Mendesohn, Frederick the Great) – and generalised characters representing entire classes. The two opposing parties are Kant and his favourite philosophers (Saint-Pierre and Rousseau) against the 'government' and 'lawyers'. Kant's philosophy of law, which is believed to rest on a metaphysical foundation, is constructed using a minimum of anthropological premises, which is often viewed as a virtue. However, Kant's political teaching is closely connected with moral anthropology, which is considered as another virtue. Justifying their actions with empirical observations, politicians violate legal rules. Thus, they are subject to the same propensities that they find so frightening in the population. The philosopher, although agreeing with the grim opinion of human nature, tries to dissuade politicians and instil moderate optimism in them. The article colates and systemises politicians' and lawyers' ideas of humans, the world, and politics. According to Kant's philosophy of law, the model of an ideal society can be pictured as a mechanism. However, his philosophy of history and politics claims the opposite, inclining towards organicism. The methodological framework for argumentation analysis is V. Bryushinkin's 'cognitive approach'. The

author identifies the historical and ideational sources of decision-making criteria, which Kant assigns to his opponents. The article summarises relevant findings reported by H. Williams, G. Cavallar, R. Brandt, and others.

Key words: moral anthropology, political anthropology, cognitive approach, model of argumentation addressee, abderitism, Realpolitik, Machiavellism, mechanicism, organicism.

References

1. Arendt, H. 2011, O politicheskoj filosofii Kanta: Kurs lekcij. Lekcija 8 [Lectures on Kant's Political Philosophy. Lecture 8], in: *Kantovskij sbornik* [Kant's Compendium]. 2011. No. 2 (36). S. 90–94.
2. Bryushinkin, V. N. 2009, Kognitivnyj podhod k argumentacii [The Cognitive Approach to Argumentation], in: *Racio. ru*. [Ratio. ru] 2009. No. 2. С. 2–22.
3. Zilber, A.S. 2016, Naskol'ko transcendental'ny Kantovy principy publicnogo prava? [How transcendental are Kant's principles of public law?], in: *Kantovskij sbornik* [Kant's Compendium]. 2016. No. 1 (55). S. 34–51.
4. Kant, I. 1994a, *Antropologija s pragmaticheskoj točki zrenija* [Anthropology from a Pragmatical Point of View], in: Kant, I. Soch.: v 8 t. T. 7. [Writings: in 8 vol. Vol. 7] M.
5. Kant, I. 1994b, *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*, in: Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Bd. 1. M.
6. Kant, I. 1994b, *Zum ewigen Frieden*, in: Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Bd. 1. M.
7. Kant, I. 2014, *Die Metaphysik der Sitten*. Erster Teil, in: Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Bd. 5. Tl. 1. M.
8. Kant, I. 1994g, *Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nichts für die Praxis*, in: Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Bd. 1. M.
9. Kant, I. 1994d, *O neudachah vseh filosofskih popytok teodicej* [On the Miscarriage of all Philosophical Trials in Theodicy], in: Kant, I. Soch.: v 8 t. T. 8. [Writings: in 8 vol. Vol. 8] M.
10. Kant, I. 1994e, *Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?* in: Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Bd. 1. M.
11. Kant, I. 1994z, *Religija v predelah tol'ko razuma* [Religion within the Limits of Reason Alone], in: Kant, I. Soch.: v 8 t. T. 6. [Writings: in 8 vol. Vol. 6] M.
12. Kant, I. 1999, *Spor fakul'tetov* [The Contest of the Faculties]. Kaliningrad.
13. Machiavelli, N. 1990, *Gosudar'* [The Prince]. M.
14. Novikov, G. N. 1996, *Teorii mezhdunarodnyh otnoshenij* [Theories of International Relations]. Irkutsk.
15. Penn, W. 1963, *Opyt o nastojashhem i budushhem mire v Evrope putem sozdaniya evropejskogo Kongressa, Parlamenta ili Palaty gosudarstv* [An Essay towards the Present and Future Peace of Europe by the Establishment of a European Dyet, Parliament or Estates], in: *Traktaty o vechnom mire*. Sost. I. S. Andreeva i A. V. Gulyga [Treatises about perpetual peace. Ed. by I. S. Andreeva and A. V. Gulyga]. M.
16. Rousseau, J.-J. 1963, *Suzhdenie o vechnom mire* [Judgment on Perpetual Peace], in: *Traktaty o vechnom mire*. Sost. I. S. Andreeva i A. V. Gulyga [Treatises about perpetual peace. Ed. by I. S. Andreeva and A. V. Gulyga]. M.
17. Salikov, A. N. 2008, *Recepcija kantovskogo ponjatija Sensus communis v teorii sposobnosti suzhdenija Hanny Arendt* [Reception of the Kant's Concept *Sensus communis* in Hannah Arendt's Theory of Judgment], in: *Kantovskij sbornik* [Kant's Compendium]. 2008. No. 1 (27). S. 31–40.
18. Sologubov, A. M. 2005, *Modeli mira i metafory v argumentacii* [World Models and Metaphors in Argumentation], in: *Vestnik RGU im. I. Kanta* [Herald of the I. Kant Russian State University]. 2005. No. 3. S. 27–34.
19. Sologubov, A. M. 2004, *Model' mira i poslednie osnovaniya argumentacii* [Model of the World and Last Foundations of Argumentation], in: *Modeli mira*. Pod red. V.N. Bryushinkin. Kaliningrad. S. 109–118.
20. Sologubov, A. M. 2006, *Sistemnaja model' argumentacii v prakticheskoj filosofii I. Kanta: Diss. na soisk. uch. step. kand. filos. nauk* [The System Model of Argumentation According to the Kant's Practical Philosophy. Doctoral diss.]. Kaliningrad.

21. Khizanishvili, D. V. 2014, Osobennosti kognitivnogo podhoda k argumentacii: aspekty modelirovanija [Peculiarities of the Cognitive Approach to Argumentation: Aspects of the Modelling], in: *Izvestiya UrFU. Ser. 3.* [Herald of the Ural Federal University] 2014. No. 4 (134). S. 155–163.
22. Chaly, V. A. 2014, Kant mezhdu liberalizmom i konservatizmom [Kant Between Liberalism and Conservatism], in: *Kantovskij sbornik* [Kant's Compendium]. 2014. No. 4 (50). S. 54–60.
23. Albus, V. 2001, *Weltbild und Metapher. Untersuchungen zur Philosophie im 18. Jahrhundert.* Würzburg, 2001.
24. Borries, K. 1928, *Kant als Politiker.* Leipzig.
25. Brandt, R. 1997, Antwort auf Bernd Ludwig: Will die Natur unwiderstehlich die Republik? in: *Kant-Studien.* Jg. 88. S. 229–237.
26. Brandt, R. 2003, *Universität zwischen Selbst- und Fremdbestimmung. Kants «Streit der Fakultäten».* Berlin.
27. Buhr, M., Dietzsch, S. (Hrsg.) 1984, *Immanuel Kant. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf. Texte zur Rezeption 1796 – 1800.* Leipzig.
28. Busch, W. 1979, *Die Entstehung der kritischen Rechtsphilosophie Kants: 1762 – 1780.* Berlin.
29. Cavallar, G. 2005, Lauter «Leidige Tröster»? Kants Urteil über die Völkerrechtslehren von Grotius, Pufendorf und Vattel, in: *Allgemeine Zeitschrift für Philosophie.* Jg. 30. S. 271–291.
30. Cavallar, G. 1992, *Pax Kantiana.* Wien.
31. Eberl, O., Niesen, P. (Hrsg.) 2011, *Immanuel Kant. „Zum ewigen Frieden“ und Auszüge aus der Rechtslehre. Kommentar von Oliver Eberl und Peter Niesen.* Berlin.
32. Garve, C. 1967, Drei Texte über Theorie und Praxis, in: *Kant – Gentz – Rehberg. Über Theorie und Praxis.* Hrsg. D. Henrich. FaM.
33. Gentz, F. 1967, Nachtrag zu dem Raisonement von Herrn Professor Kant..., in: *Kant – Gentz – Rehberg. Über Theorie und Praxis.* Hrsg. D. Henrich. FaM.
34. Klenner, H. (Hrsg.) 1988, *Kant I. Rechtslehre: Schriften zur Rechtsphilosophie.* Berlin.
35. Lesser, A. H. 2014, Kant or Machiavelli? in: *Kritikos.* Vol. 11, January – March 2014. URL: intertheory.org/kant-machiavelli-ahlesser.htm (accessed on 26.01.2016)
36. Ludwig, B. 1995, Moralische Politiker und Teuflische Bürger..., in: *Proceedings of the Eight International Kant Congress.* Vol. I, Part 1. Milwaukee. P. 71–88.
37. Ludwig, B. 1997, Will die Natur unwiderstehlich die Republik? Einige Reflexionen anlässlich einer rätselhaften Textpassage in Kants Friedensschrift, in: *Kant-Studien.* Jg. 88. S. 218–228.
38. Pinzani, A. 2011, Botanische Anthropologie und physikalische Staatslehre. Zum Fünften und Sechsten Satz der Idee, in: Höffe O. (Hrsg.) *Immanuel Kant. Schriften zur Geschichtsphilosophie.* Berlin.
39. Rehberg, A. W. 1967, Über das Verhältnis der Theorie zur Praxis, in: *Kant – Gentz – Rehberg. Über Theorie und Praxis.* Hrsg. D. Henrich. FaM.
40. Stangneth, B. 2005, Die Religion als Übergang zur Weltpolitik, in: *Kants „Ethisches Gemeinwesen“.* Hrsg. M. Städtler. Berlin.
41. Williams, H. 1983, *Kant's Political Philosophy.* Oxford.

About the author

Andrey Zilber, Analyst, Kant Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University, a-zilb@ya.ru